

УДК 82
ББК 84(7)
О-74

Осипова Э.Ф.

О-74 Путешествие идей. Из истории культурных связей России и США. — СПб. : Нестор-История, 2019. — 196 с.

ISBN 978-5-4469-1588-0

Книга, охватывающая события культурной жизни России и США разных лет, имеет целью расширить представление российского читателя о путях взаимного обогащения двух культур. Представленные в ней материалы позволяют судить о движении идей в трех сферах — политики, философии и эстетики. В книге дается обзор культурных контактов России и Америки в первые три десятилетия после образования США. Идеи свободы, победившие в Америке восемнадцатого века, притягивали русскую мысль (Новиков, Каржавин), а революционные движения в России начала двадцатого столетия привлекали американцев, приезжавших сюда в 1905, а затем в 1917–1918 годах. Взаимосвязи русской и американской литератур рассматриваются на материале творчества Генри Торо, Ральфа Эмерсона и Льва Толстого, а также Эдгара По и Достоевского. Отдельные главы посвящены восприятию русской литературы в США и влиянию Толстого на американских писателей. В книге также анализируется русская тема в творчестве Сэлинджера. В качестве примеров путешествия идей во времени и пространстве приводятся творчество Айн Рэнд и русские впечатления американского журналиста Уильяма Уоллинга.

Книга адресована тем, кто занимается изучением русской и американской литератур, а также историкам-американистам. Она будет полезна широкому кругу читателей, интересующихся культурной жизнью России и США девятнадцатого и двадцатого веков.

УДК 82
ББК 84(7)

ISBN 978-5-4469-1588-0

9 785446 915880

© Э.Ф. Осипова, 2019

© Издательство «Нестор-История», 2019

ОТ АВТОРА

Настоящая книга охватывает события культурной жизни России и США разных лет, причем основное внимание в ней уделено анализу литературных связей и взаимовлияний.

Своеобразным вступлением служит обзор контактов, существовавших между двумя странами в конце XVIII — начале XIX века. Американские религиозные и философские идеи 1830–1840-х годов получили развитие в публицистике Льва Толстого, что является нам яркий пример путешествия идей во времени и пространстве. Движение эстетических и этических идей в обратном направлении освещается на примере распространения в США первых десятилетий XX века русских идей — как они представлены, в частности, в творчестве Тургенева, Толстого и Достоевского.

Примером сложного, не всегда ясно уловимого скрещения идей, «узнавания» родственных мыслей является отношение Ф. М. Достоевского к американскому писателю Эдгару По. Сопоставление их художественных манер не оставляет сомнения не только в том, что Э. По влиял на автора «Двойника» и «Записок из подполья», но и в том, что его воздействие на поэтику Достоевского было глубже, чем до сих пор представлялось. Еще одно яркое свидетельство взаимопроникновения двух культур — история переводов Э. По на русский язык, насчитывающая более полутора веков. Этой теме посвящена отдельная глава.

Влияние русских религиозных идей на современных американских писателей рассматривается на примере творчества Джерома Дэвида Сэлинджера, испытавшего значительное воздействие Достоевского.

В книге освещаются и более частные вопросы, такие как взгляды на историю американца Ральфа Эмерсона и автора романа

«Война и мир», в концепциях которых обнаруживается много общего. Особенности литературной рецепции одного конкретного произведения прослежены на примере восприятия в США XX века романа Льва Толстого «Анна Каренина».

В центре последних двух глав — фигуры американского социалиста Уильяма Уоллинга, много путешествовавшего по России в 1905–1907 годах, и русской эмигрантки, писательницы Айн Рэнд, чьи взгляды, ставшие частью американской философской традиции, сформировались под влиянием событий, развернувшихся в России после революции 1917 года.

В Приложение включен материал очеркового и мемуарного характера, связанный с восприятием американскими писателями и журналистами Петербурга — Петрограда как действующего лица, живого свидетеля исторических событий начала XX века.

Книга имеет целью расширить представление российского читателя о путях взаимообогащения двух культур — русской и американской — на протяжении почти двухсот лет. Она основана на многолетних исследованиях в области истории литературы США и российско-американских культурных и литературных связей. Материалы, представленные в настоящем издании, в том или ином виде публиковались ранее в коллективных монографиях и сборниках научных статей.

Книга адресована филологам, которые занимаются изучением литературы России и США, а также историкам-американистам. Она будет полезна широкому кругу читателей, интересующихся культурой России и США девятнадцатого и двадцатого веков.

Глава 1

РОССИЯ И АМЕРИКА: НАЧАЛО ЗНАКОМСТВА

Начало знакомства России с Америкой¹ можно отнести ко времени появления в стране периодической печати. Первые упоминания встречаются в петровских «Ведомостях». «Российские ведомости», позже «Санкт-Петербургские ведомости» (иностраный отдел газеты редактировал в 1750-х годах М. В. Ломоносов) помещали на своих страницах сведения исторического характера, давали описания отдельных провинций, информировали читателя о событиях, представлявших особый интерес, сообщали о научных открытиях. В журналах появляются переводы сочинений европейских путешественников, посвященных описанию земель Северной Америки, печатаются очерки о ее коренных жителях — индейцах.

Однако устойчивый интерес к Америке возник в России в 70–80-е годы XVIII века. И связано это было с событиями Американской революции (1775–1783). Большую роль в знакомстве русской публики с жизнью Нового Света сыграл Н. И. Новиков. Его деятельность как журналиста и издателя является по сути первой главой в истории русской американистики. Демократическая позиция писателя определила тональность и содержание публикаций в издававшихся им «Московских ведомостях» (1779–1789) и «Прибавлениях к «Московским ведомостям»» (1783–1784). В них освещались американские нравы, общественные установления, образ правления в молодой заокеанской республике.

Отличие от официальных «Санкт-Петербургских ведомостей» «Московские новости» Новикова описывали борьбу американцев

---

¹ Формирование страны происходило на востоке Северо-Американского континента, поэтому освоение русскими западного побережья и Аляски здесь рассматриваться не будет.

за независимость с очевидным одобрением. Народ Америки и его предводители, совершившие революцию, писал он, «ведомы суть тем же духом и воспламенены теми же страстями»², иначе говоря, духом вольности и стремлением к свободе. Понятно, что прямо восхвалять американскую революцию Новиков не мог, но подбор материалов и их содержание недвусмысленно говорили о его проамериканских симпатиях. Многие публикации представляли собой изложение писем из Филадельфии, Лондона и Парижа — часто со ссылкой на Франклина, бывшего в ту пору посланником США во Франции.

Издатель «Московских ведомостей» использовал американский материал не только для того, чтобы приветствовать революционные изменения в Новом Свете. Он, например, знакомил читателя с учением квакеров, изложению взглядов которых посвятил несколько номеров «Прибавлений к “Московским ведомостям”» за 1784 год и статью в журнале «Покоящийся трудолюбец». Квакеры, писал Новиков, «чиновным и начальникам ни телодвижением ни титулованием почтения не свидетельствуют, ни в чем не клянутся и в обидях не просят»³. Издателя «Московских ведомостей» привлекало в их взглядах то же, что через несколько десятилетий станет принципом теории гражданского неповиновения Генри Торо, а именно неучастие в государственном насилии.

Пример Америки, создавшей на территории бывших колоний Британии независимую республику, вдохновлял и Радищева. Автор «Путешествия из Петербурга в Москву» противопоставлял ее России, где свободное слово было под запретом. В главу «Торжок» он включил небольшой трактат «Краткое повествование о происхождении цензуры», в котором приводил отрывки из конституций Пенсильвании, Дэлавера, Мэриленда и Виргинии, а также из Декларации независимости США⁴. Американские правительства, писал он, «приняли свободу печатания между первейшими

---

² Московские ведомости. 1783. № 70. С. 557.

³ Покоящийся трудолюбец. 1785. Часть III. С. 124.

⁴ Радищев ознакомился с этими документами по сборнику 1778 года (на французском языке). Об этом см.: *Старцев А. И.* Радищев в годы «Путешествия». М., 1960. С. 116.

законоположениями, вольность гражданскую утверждающими»⁵. Радищев цитирует статью конституции Виргинии, в которой свобода печати названа «наивеличайшей защитой свободы государственной». В этой же главе он приводит — как «пример для последования» — малоизвестный эпизод из биографии Джона Дикинсона, публициста, одного из влиятельных политиков США, в 1782–1785 годах бывшего президентом штата Пенсильвания. «Первейший градоначальник области нисшел в ристалище, издал в печать свое защищение, оправдался, опроверг доводы своих противников и их устыдил». Не власть, но общество, заключает Радищев, «дает сочинителю венец или употребит листы на обвертки»⁶. Американская тема открывала перед писателем большие возможности для проведения аналогий с российской действительностью. Обращаясь к ней, он мог высказывать крамольные мысли о социальном неблагополучии в собственной стране, где, по его словам, цензура «сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного».

* * *

Особое место в истории русско-американских культурных связей занимает Бенджамин Франклин, пожалуй, самый яркий представитель американского Просвещения. Его деятельность по распространению знания, проповедь религиозных и гражданских свобод привлекли к нему симпатии демократически мыслящих людей России. Идеи Франклина были созвучны взглядам русских писателей, которые увидели в нем единомышленника, человека, критиковавшего общественные институты с точки зрения «естественного права», мыслителя, нетерпимого к любым формам рабства. В конце XVIII века Франклин был уже хорошо известен в России как общественный деятель, публицист и ученый. Так, о нем как об изобретателе громоотвода «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали уже в 1752 году. Особенно много для популяризации идей великого американца сделал Н. И. Новиков: он знакомил читателей с жизнью Франклина, печатал отрывки из его произведений. На страницах «Прибавлений к “Московским

---

⁵ Радищев А. Н. Избранные сочинения. М.: ГИХЛ, 1952. С. 160.

⁶ Там же. С. 151.

ведомостям» за 1784 год (№ 65–69) появился перевод (без ссылки на автора) франклиновских «Заметок относительно дикарей Северной Америки» под заглавием «Всеобщее описание американских нравов». Примечательно, что перевод был напечатан в России в том же году, когда оригинал впервые увидел свет в Лондоне. В оценке Новикова, американский просветитель объединял в себе две ипостаси — ученого и борца за свободу. «Франклин, — писал он, — в некоторых веках почитаем будет божеством. Электричество преобразует всю физику; селения Англинские преобразуют всю политику. Франклин был главою при обеих сих важных переменах...»⁷ Имя Франклина упоминал Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника». Будучи в Лейпциге, он слушал лекцию ректора университета доктора Эрнста Платнера, в которой тот с большим почтением отзывался о Франклине-политике: «Видя оскорбляемые права человечества, с каким жаром берется он быть его ходатаем! С сей минуты перестает жить для себя и в общем благе забывает свое частное»⁸. Мысль, которую Карамзин приписал Платнеру, явно близка ему самому. В заметке о французском переводе франклиновской «Автобиографии» Карамзин говорил об авторе как о человеке, который «смирил гордость Британцев, даровал вольность почти всей Америке и великими открытиями обогатил науки»⁹.

Творчеством американского просветителя интересовались и братья Тургеневы. Их привлекало во Франклине многое — идеи самобразования, глубокий демократизм, приверженность свободе. Первую его биографию в России написал Андрей Тургенев, опубликовавший ее в 1799 году вместе с переводом выдержек из «Автобиографии». Александр Иванович Тургенев, друг Карамзина и будущий наставник Пушкина, читал трактат Франклина «Путь к изобилию» в бытность студентом Геттингенского университета. Кстати сказать, книга Франклина, в которой он собрал афоризмы из издававшегося им в течение четверти века «Альманаха

⁷ Московские ведомости. 1783. № 70. С. 557.

⁸ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Повести. М.: Правда, 1980. С. 106.

⁹ Московский журнал. 1791. Часть IV. Кн. 3. С. 355.

бедного Ричарда», была переведена на русский язык в Петербурге в 1784 году, еще при жизни автора. Это издание считается первым произведением американской литературы, опубликованным в России.

Франклина в России знали не только по его трудам. Личные контакты с ним установил Д. И. Фонвизин во время пребывания в Париже в 1778 году¹⁰. Через несколько лет княгиня Екатерина Дашкова встретила с Франклином, представлявшим во Франции правительство Соединенных Штатов. В дневнике она охарактеризовала его как человека, который сочетал огромную эрудицию с простотой в манерах и внешности, отметила его естественность, скромность и снисходительность к людям. Одна из самых выдающихся женщин в русской истории, президент Петербургской Академии наук в 1783–1796 годах, Екатерина Дашкова стала первой женщиной — членом Американского философского общества в Филадельфии. Кстати сказать, ее кандидатуру предложил именно Франклин и он же подписал диплом. Произошло это в апреле 1789 года, а в ноябре того же года Петербургская Академия наук избрала своим почетным членом Бенджамина Франклина. Эти события — доказательства взаимного интереса ученых двух стран.

В последние десятилетия XVIII века научные связи России и США развивались довольно интенсивно¹¹. Американская академия наук и искусств, основанная в Бостоне в 1780 году, и Философское общество Филадельфии поддерживали научные контакты с Петербургской Академией наук и Московским обществом испытателей природы. Ученые обменивались публикациями, коллекциями материалов¹². Интересно свидетельство вице-президента Американского философского общества Томаса Бонда. В 1782 году он говорил о желательности сотрудничества с учеными страны,

¹⁰ Н. Н. Болховитинов пишет о том, что встреча Фонвизина с Франклином повлияла на создание образа Стародума в комедии «Недоросль» (Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость (1775–1783). М.: Мысль, 1976. С. 129.)

¹¹ Об этом подробно см.: Болховитинов Н. Н. Указ. соч. С. 105–131. .

¹² Так, Московское общество испытателей природы получило в дар от первого посланника США в России коллекцию минералов.

которая содействует развитию науки и литературы: «Россия, которая еще несколько лет тому назад была почти неизвестна в Европе, поднялась к светлому величию, подобно утреннему солнцу. Она занялась поисками ученых во всем мире и предоставила все возможные поощрения различным отраслям литературы; есть что-то общее между Россией и Америкой в том, что касается созданных улучшений и неожиданного величия»¹³.

Общение ученых касалось не только научных предметов. В 1783 году, по случаю заключения мира между США и Британией в Париже, российская Коллегия иностранных дел отправила Франклину официальное поздравление, подписанное академиком Эпинусом. В нем, в частности, отмечались заслуги Франклина как ученого и борца за свободу Америки. В начале этого же года Франц Эпинус в письме Франклину высоко оценил значение американской революции. Это событие, писал он, «благотворное воздействие которого на весь род человеческий будет сказываться в грядущих веках».

* * *

В течение всех лет борьбы за независимость новости с «бунтующего континента» достигали России разными путями. Среди анонимных авторов, публиковавшихся в новиковских газетах, был и «русский американец» Федор Васильевич Каржавин (1745–1812). Он одним из первых побывал в Новом Свете — в те годы, когда колонии Британии подняли бунт против метрополии. Писатель, переводчик, человек необыкновенной судьбы, он принял в американской революции непосредственное участие. Каржавин находился в США довольно долго, с 1777 по 1787 год (с перерывом в три с половиной года). Сразу после прибытия в Виргинию с острова Мартиника весной 1777 года он предложил свои услуги Континентальному конгрессу в качестве переводчика. Письмо с предложением помощи он адресовал Джону Хэнкоку, председателю Континентального конгресса, человеку, чья подпись первой стоит под Декларацией независимости США.

Каржавин прибыл в Америку не с пустыми руками: он доставил повстанцам пушки и порох с острова Мартиника, о чем

---

¹³ Цит. по: *Болховитинов Н. Н.* Указ. соч. С. 124.

свидетельствует его дневник¹⁴. Кстати сказать, Ю. Давыдов в повести о Каржавине высказал предположение о том, что корабль, на борту которого находились пушки для американских повстанцев, был снаряжен Бомарше¹⁵. Свои приключения, а скорее злоключения, Каржавин описал в «Сказке, показывающей вкратце, в какое время и в каких местах я находился». Этот интересный документ повествует о том, как россиянин передвигался по территориям, где проходили столкновения английских войск с восставшими колонистами. Противоборствующие стороны принимали его за шпиона, поскольку он «имел на себе пакеты письменные как из Филадельфии в Бостон, так и из Бостона в Филадельфию». Каржавин пишет, что он шел «не по большой фурманной дороге, но по линии, разделяющей их [англичан и американцев] от неприятеля, и сквозь Вашингтонову армию»¹⁶. Позже Каржавин напишет о себе в третьем лице: «Один из наших соотечичей, человек любопытный и знающий, пускается в 1776 году по Океану Атлантическому, и направляя свой путь на Юго-Запад, выходит на берег Вест-Индии по тридцатипятидневном переходе, оттуда продолжает путь до матерой Америки, и возвращается в отечество свое... объездивши как водою, так и сухим путем разные страны, лежащие вдоль восточного берега сего пространного материка. Сей Россиянин есть первой из нашего народа человек, который двенадцатилетнее жительство имел в тех отдаленных странах, и должен был видеть их примечательными глазами, в чем много способствовали ему нещастия его»¹⁷.

Каржавину довелось побывать в Нью-Йорке, Филадельфии и Бостоне; несколько лет он жил в Уильямсбурге, столице Виргинии до 1779 года. Там он познакомился с политиками, которым суждено было сыграть важную роль в истории страны. Среди них были Джеймс Мэдисон, будущий четвертый президент США,

¹⁴ Архив Ф. В. Каржавина в Российской национальной библиотеке. Ф. 1000. Оп. III. № 483. Л. 100.

¹⁵ Давыдов Ю. Смуглая Бетси, или Приключения волонтера // Давыдов Ю. Соч. в 3 т. Т. 3. М.: Терра, 1996. С. 101.

¹⁶ Цит. по: Николокин А. Н. Литературные связи России и США. Становление литературных контактов. М.: Наука, 1981. С. 388–389.

¹⁷ Каржавин Ф. В. Французские, российские и немецкие разговоры. СПб., 1803. С. 64. (То же: СПб., 1815. С. 86.)

в 1770-е годы участвовавший в составлении конституции Виргинии, а позже — и Конституции США; известный виргинский политик и юрист, делегат второго Континентального конгресса Джордж Уит (Wythe), профессор права местного колледжа и наставник Томаса Джефферсона, вместе с которым Уит составил ряд законов Виргинии. Менее известным представителем виргинского общества, с которым тесно общался Федор Каржавин, был Карло Беллини, близкий друг и единомышленник Джефферсона, профессор новых языков колледжа Уильяма и Мэри. Каржавин посвятил Беллини одну из своих научных книг, а в посвящении упомянул о «близкой связи», существовавшей между «сторонниками истинной веры»¹⁸.

Смысл этих загадочных слов становится яснее, если учесть, что в Уильямсбурге Каржавин сблизился с кружком масонов, в который входили многие видные политические и общественные деятели Виргинии. Был среди них и Беллини. Предполагают, что именно он предложил Томасу Джефферсону, бывшему в это время губернатором Виргинии, кандидатуру Каржавина для отправки в Россию со специальной дипломатической миссией¹⁹. Много позже, в сентябре 1785 года, Каржавин писал отцу о том, что он «жил на коште виргинского правительствва месяцев шесть в Вильямсбурге с намерением быть посланным к Российской государыне от американского Конгресса...». Хотя назначение не состоялось, само намерение американских друзей Каржавина говорит о тесных связях писателя с виргинскими политиками. Не исключено, что он пользовался их доверием и как «сторонник истинной веры». Еще в начале 1760-х годов, когда Каржавин учился в Сорбонне, его посвятил в масоны князь Дмитрий А. Голицын, в доме которого он жил. Важно отметить, что российский дипломат и посол во Франции

---

¹⁸ *Karjavine Ph.* Description du Pou vu au microscope. A Carouge, 1789. Книга в действительности была напечатана не в Каруже (Франция), а в Санкт-Петербурге (*Полонская И. М.* Издательская деятельность Ф. К. Каржавина // Проблемы рукописной и печатной книги (1788–1793). М., 1976).

¹⁹ *Dvoichenko-Markova E. A.* A Russian Traveller to Eighteenth-Century America // Proceedings of American Philosophic Society. 1953. Vol. 97. № 4. P. 353.

Голицын был активным участником масонской ложи «Девять сестер»; через несколько лет эту ложу возглавит Франклин.

Каржавин находился в Америке в самые бурные годы ее истории. Учитывая его связи с кругами русских и американских масонов, можно предположить, что у него были возможности посылать сведения об Америке на родину. Скрывая свое авторство под видом переводов с французского, он мог публиковать заметки об американских событиях в новиковских газетах. Так, Каржавин информировал российских читателей о генерале Вашингтоне, о республике, которая, «вероятно, будет прибежищем свободы, изгнанной из Европы роскошью и развратом»²⁰. Исследователи высказывают предположение о том, что Каржавин был каким-то образом связан с Радищевым, и отмечают, что он — тот самый человек, который упоминается в «Путешествии» как друг автора, хорошо знавший американские дела²¹.

Писатель-вольнодумец, Каржавин был близок по взглядам Н. И. Новикову и В. И. Баженову²². Он находил способ выражать свое отношение к республиканской Америке и делал это в самых неожиданных местах, в частности, в разговорниках и учебниках французского языка, в переводах и комментариях к ним.

Как и другие просветители, Каржавин считал, что рабовладение в Америке уродует черты молодой республики. Скрыв свое авторство под псевдонимом Феофана Карякина, переводчика с французского, он писал об этом в анонимном трактате «Речь негра к своим мучителям». Устами осужденного на казнь чернокожего невольника он высказал опасную мысль о несовместимости рабства с христианской моралью: «Высочайшее существо, создав меня человеком, создало меня вольным. Оно даровало мне волю, дабы я ей следовал. Независимость была первый и драгоценнейший его дар.

²⁰ Прибавления к «Московским ведомостям». 1784. № 47. С. 372.

²¹ *Шторм Г.* Потаенный Радищев. Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву». М., 1974. С. 263.

²² В споре относительно взглядов Каржавина, развернувшихся в отечественной науке, Н. Н. Болховитинов решительно расходится с А. И. Старцевым. Он пишет о вольнодумстве Каржавина и его близости к русским писателям-просветителям. Об этом см.: *Болховитинов Н. Н.* Россия и война США за независимость. 1775–1783. М.: Мысль, 1976. С. 209–224.

Каким образом лишился я оныя? Белые! вас о том вопрошаю»²³. Публицистический тон памфлета напоминает звучание радищевских инвектив.

Убежденные противники рабства были и среди знакомых Каржавина в Америке. Самый известный из них, пожалуй, — Джордж Уит. Но в 1780-е годы до отмены рабства было еще далеко: и в США, и в России оно будет законодательно отменено через несколько десятилетий — практически одновременно.

Каржавин кончил свои дни в должности переводчика Коллегии иностранных дел. Он скоропостижно скончался — накануне дознания о хранении «недозволенных рукописей вольнодумного содержания». «Русский американец», как называл себя Каржавин, смог опубликовать под своим именем лишь малую часть написанного им об Америке. Но то, что ему удалось сказать — прямо или косвенно, — воспринимается как продолжение традиции, заложенной Н. И. Новиковым.

* * *

Среди американцев, открывших для себя Россию в конце XVIII века, были дипломаты и писатели, ученые и путешественники. Одним из тех, чья судьба, условно говоря, соединила две страны, был Джон Поль Джонс, друг Франклина и Лафайета, создатель военно-морского флота США — и в то же время человек, оставивший яркий след в истории флота российского.

О подвигах Поля Джонса (или Павла Ионеса, как именовали его в российской прессе) «Московские ведомости» писали за несколько лет до того, как он ступил на русскую землю. Газета, в частности, поместила описание знаменитого морского сражения с английской эскадрой 23 сентября 1779 года, героем которого был Джон Поль Джонс, потопивший и захвативший в плен двадцать один английский корабль. Кстати сказать, об этом эпизоде из жизни Поля Джонса напишет позже Джеймс Фенимор Купер в морском романе «Лоцман» (1823), а также Герман Мелвилл — в «Израиле Поттере» (1855). Документальное описание этого удивительного боя можно найти в «Истории военно-морского флота США», опубликованной Купером в 1839 году.

---

²³ Новые ежемесячные чтения. 1792. Часть 71. С. 47.

Блестящие победы, одержанные Полем Джонсом под американским флагом, прославили его имя в Европе. Узнав о них, императрица Екатерина II пригласила его на российскую службу и назначила руководить российским флотом в чине контр-адмирала. В 1788 году, во время русско-турецкой войны, парусная эскадра Джонса обеспечивала блокаду крепости Очаков с моря. Здесь-то и произошла его встреча с Суворовым, командовавшим сухопутными войсками. За успешное завершение операции в Днепровском лимане Джон Поль Джонс удостоился ордена Св. Анны.

Интересны высказывания двух великих людей друг о друге. Суворов скупно, но выразительно записал: «Здесь вчера с Паулем Джонсом увиделись мы, как столетние знакомцы». Поль Джонс был более многословен, причем слова его исполнены глубокого уважения, даже восхищения: «Это был один из немногих людей, встреченных мною, который всегда казался мне интереснее, чем вчера, и в котором завтра я рассчитывал, — и не напрасно, — открыть для себя новые, еще более восхитительные качества. Он неописуемо храбр, безгранично великодушен, обладает сверхчеловеческой способностью проникать в суть вещей под маской грубоватости и чудачества. Я полагаю, что в его лице Россия имеет величайшего воина, какого ей когда-либо дано иметь <....>. Он не только первый генерал России, но и наделен всем, чтобы считаться первым и в Европе»²⁴.

Пребывание в России, хотя и довольно краткое, убедило Джонса в необходимости тесного союза США и России, о чем он писал Томасу Джефферсону. Российскому вице-канцлеру И. А. Остерману он представил план, в котором обосновал целесообразность заключения союза между двумя странами для обеспечения свободы мореплавания в Средиземном и Черном морях. Поль Джонс предлагал заселять Крым американцами и считал желательной возможность набирать русских моряков в американский флот. «Американцы, — писал он Остерману 31 января 1789 года, — отличные земледельцы,

---

²⁴ *Buell A. C. Paul Jones, Founder of the American Navy. New York, 1906. Vol. II. P. 211.* Цитата приводится по книге Ю.Л. Коршунова (*Коршунов Ю.Л. Когда океан соединяет. Из истории дружественных отношений флотов России и США. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 1996. С. 22).*

торговцы и воины. У них развито чувство собственного достоинства, они очень энергичны и обладают природным добрым нравом. Если предоставить им в пользование земли и оказать необходимое содействие, то я убежден, что можно было бы побудить многие их семьи переселиться в Крым...»²⁵ Хотя идеи Джонса и не нашли поддержки у Томаса Джефферсона, сам факт появления широкого плана российско-американского сотрудничества, предложенный талантливим флотоводцем, говорит о многом.

Вскоре после возвращения в Петербург Полю Джонсу пришлось покинуть Россию. Благодаря своему необузданному нраву он стал жертвой влиятельного английского лобби. Получилось так, что с помощью интриг недоброжелатели добились устранения героя морских сражений из российской политики²⁶. Скончался Джонс в Париже, где провел последние три года жизни. В начале XX века его останки были перевезены в Америку и — с адмиральскими почестями — захоронены в склепе собора Военно-морской академии США в Аннаполисе. Замечу, что российский этап его военной карьеры нашел достойное отражение в документах, представленных в часовне собора.

Имя Джона Поля Джонса осталось в истории русско-американских отношений. Не забыто оно и в России. Несколько лет тому назад на Гороховой улице в Петербурге была установлена мемориальная доска на доме, где жил контр-адмирал. Надпись на русском и английском языках гласит: «Джон Пол Джонс / контр-адмирал Российского флота / национальный герой / и основатель флота США / жил в этом доме в 1788–1789 гг.».

Через несколько лет после того, как герой американской Войны за независимость и контр-адмирал российского флота Джон Поль Джонс покинул Петербург, Америку открыли для себя два недавних выпускника Морского кадетского корпуса в Петербурге — Иван Крузенштерн и Юрий Лисянский. Весной 1794 года они оказались у берегов Нового Света, где пути их разошлись.

---

²⁵ Россия и США. Становление отношений. 1765–1815. М.: Наука, 1980. С. 178.

²⁶ Об этом эпизоде из жизни Джона Поля Джонса см.: *Коршунов Ю.Л.* Указ. соч. С. 15–26.

Крузенштерн и Лисянский плавали на английских и американских судах и имели возможность познакомиться со многими городами восточного побережья, с культурой молодой нации. Их пребывание в США продолжалось около двух лет. И тот и другой в разное время побывали в столице государства, Филадельфии, где встречались с президентом Джорджем Вашингтоном. Известно, что встреча произвела на Крузенштерна неизгладимое впечатление. Лисянский посетил пятнадцать городов Америки, так что мог сравнить образ жизни в разных частях страны и оценить умонастроения южан и северян. Он особо отметил дух вольности, который ощутил в столице Массачусетса. Бостонцы, записал он в своем дневнике, «более привержены к вольности и своим поведением подают лучший пример оной, нежели все южные штаты»²⁷. Отметим и его высокую оценку американской конституции, закрепившей республиканский строй правления и права штатов. «В Америке, — записал он в дневнике, — почти неприметна сила гражданской и воинской власти, но мне никаких бесчинств видеть там не привелось, которые бы при подобных обстоятельствах могли произойти в Европе, а сему причиной верно добрые законы и нравственность»²⁸.

Молодых офицеров российского флота, чьи имена станут широко известны после их кругосветных плаваний, в Америке поразило многое. Главное — они нашли свидетельства того, что республиканский строй может быть «разумным и справедливым». Очевидно, Крузенштерн и Лисянский тоже оставили след в сознании американцев. Встреча Вашингтона с российскими моряками должна была расширить его представление о России. Судя по восторженной записи в дневнике Лисянского, президент США принял его чрезвычайно тепло. «Вашингтон, — вспоминает он, — обладал меня таким образом, что я по гроб жизни моей должен ему остаться благодарным <...>. Простота его жизни и благосклонность в обхождении таковы, что в одно мгновение поражают и удивляют чувства»²⁹.

---

²⁷ Россия и США: Становление отношений. 1765–1815. М.: Наука, 1980. С. 201.

²⁸ Там же. С. 202.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 135. Л. 60. Цит. по: *Коришнов Ю.Л.* Указ. соч. С. 33.

* * *

Взаимное сближение двух стран осуществлялось разными путями, в частности, через культурных посредников, самыми эффективными из которых были, пожалуй, ученые и дипломаты. Страна, провозгласившая независимость в 1776 году, продолжала изнурительную войну с метрополией. Молодой республике было важно заручиться признанием России, авторитет которой в Европе был чрезвычайно высок. Екатерина II внимательно следила за американскими событиями и, несмотря на настоятельные просьбы британского посла Джеймса Гарриса оказать помощь Англии, соблюдала нейтралитет. Она отказалась послать отряд казаков в Америку в помощь британским войскам, хотя Георг III обещал ей за это остров Минорка³⁰. Представляет интерес и такой факт: во время личной аудиенции, данной Гаррису в 1779 году, Екатерина, по словам посла, указала ему «на возможность восстановить мир через <...> отречение от борьбы с колониями»³¹. Король Георг, как мы знаем, совету русской императрицы не внял.

Первые шаги по устанавлению дипломатических отношений с Россией были предприняты Соединенными Штатами в декабре 1780 года. Континентальный конгресс направил в столицу Российской империи своего посланника, известного бостонского юриста Фрэнсиса Дану. С ним поехал в качестве секретаря четырнадцатилетний Джон Квинси Адамс, представитель еще одного славного рода в истории США. То был первый визит Адамса в Россию; второй раз он оказался в Петербурге в 1809 году — уже в качестве посла. Но Фрэнсис Дана, возможно, сделал ошибку, уведомив российскую сторону о своей дипломатической миссии слишком поздно, лишь в марте 1783 года. Когда он, наконец, был принят вице-канцлером И. А. Остерманом, тот сообщил ему о невозможности признания США Россией до подписания мирного договора (до заключения его оставалось не более полугода). В подготовке Версальского мира, кстати сказать, Россия сыграла весьма активную роль.

---

³⁰ *Dvoichenko-Markova E.* A Russian Traveller to Eighteenth-Century America // *Proceedings of American Philosophic Society.* 1953. Vol. 97. № 4. P. 350.

³¹ Русский архив, 1874. (1779). Кн. 2. № 7. С. 168.

В сентябре 1783 года русский посланник во Франции И. С. Барятинский участвовал в качестве посредника (вместе с австрийским послом) в подписании предварительного мирного договора. Окончательный же его вариант — по настоянию английской короны — был подписан без посредничества России и Австрии. С американской стороны в том историческом событии участвовали Бенджамин Франклин и государственный секретарь США Джон Адамс, будущий второй президент США. После подписания этого важного документа Франклин передал его текст русским дипломатам и через И. С. Барятинского переслал Екатерине II экземпляр американской конституции 1781 года (текст ее был переведен на французский и напечатан во Франции в 1783 году). В том же 1783 году императрица распорядилась, что весьма примечательно, приобрести для нее два тома сочинений Франклина.

Так, миссия Фрэнсиса Даны по установлению дипломатических связей с Россией осталась невыполненной. Континентальный конгресс отозвал его на родину, и в сентябре 1783 года Дана пришлось покинуть Петербург. За два с половиной года пребывания в столице Российской империи он смог составить определенное представление о России как о богатой и своеобразной стране, с которой стоило налаживать торговые связи³². Таким образом, влиятельный американский политик и будущий председатель Верховного суда США смог внести свою лепту в укрепление связей между двумя странами.

Для секретаря Даны, молодого Джона Квинси Адамса, короткое пребывание в России тоже не прошло бесследно. В одном из писем домой в сентябре 1781 года он заметил: «Петербург — самый прекрасный город, который мне когда-либо приходилось видеть. Он далеко превосходит Париж как по ширине улиц, так и по изысканству частных зданий...»³³ Джон Квинси еще получит возможность продолжить знакомство со столь понравившимся ему городом, но это случится уже в другое царствование.

---

³² Случилось так, что его сын, Фрэнсис Дана-младший, вел с Россией активную торговлю, а в 1810 году стал вице-консулом США в Архангельске.

³³ Цит. по: Россия и США: Становление отношений. С. 90.

Первое десятилетие XIX века стало временем постепенно-го сближения двух стран. Император Александр I переписывался с американским президентом Томасом Джефферсоном, который еще в бытность свою виргинским губернатором проявлял к России большой интерес. Став президентом, он установил с Александром дружеские отношения, посылал ему книги, а в одном из писем даже назвал его «своим большим и добрым другом». Российский император весьма доброжелательно отнесся и к посланцу Конгресса, Джону Квинси Адамсу. В 1809 году Адамс, опытный дипломат, политик, государственный деятель, профессор Гарвардского университета, по представлению Джеймса Мэдисона был назначен Конгрессом полномочным посланником США в столице Российской империи. Четыре с половиной года, проведенные им в Петербурге, были временем интенсивного культурного общения, значительно обогатившего представления американцев о России и русских. К счастью, Адамс оставил об этом времени подробнейшие записи в своем дневнике.

Человек высокой культуры, носитель демократических ценностей, Адамс расширял и представления россиян о культуре своей страны. Он встречался с российскими дипломатами, министрами двора, государственными чиновниками, представителями высшего общества. В письме Джеймсу Монро он характеризовал влиятельного министра иностранных дел графа Н. П. Румянцева как «истинного друга Америки». Установил он и тесные связи с членами Петербургской Академии наук, где неоднократно бывал. Известно, что Адамс посещал и музей Академии — Кунсткамеру. В его дневнике есть запись о том, что он просил Вильгельма Готтлиба Тиле-зиуса, профессора естественной истории и члена Академии наук, достать для него «все труды» (all the volumes) Академии. Адамс собирался послать их в библиотеку Гарвардского университета.

Джон Квинси Адамс называл Петербург «сокровищем Европы» не без оснований: дипломат видел, какие художественные богатства собраны в здешних музеях и личных коллекциях — в Эрмитаже, Екатерининском и Петергофском дворцах, в Ораниенбауме, во дворцах В. П. Кочубея, Н. П. Румянцева, А. С. Строганова³⁴. Тон-

---

³⁴ Подробнее об этом см.: *Плешков В. Н.* Петербург в жизни и карьере Джо-на Квинси Адамса // Санкт-Петербург — Соединенные Штаты Америки:

кий ценитель прекрасного, Адамс оставил в дневнике восхищенные записи о том, что особенно поразило его воображение в столице империи. Впечатления Адамса имели не только общекультурное значение: они стали «живой памятью», частью семейной истории Адамсов. В самом начале XX века беглый набросок города сделает внук Джона Квинси Адамса Генри, писатель, журналист, историк, автор романов «Демократия» и «Воспитание Генри Адамса».

Современники и историки отмечали, что у Александра I и Джона Квинси Адамса установились сердечные и даже дружеские отношения, что вовсе не было характерно для дипломатического обихода. Американский посланник и члены его семьи стали частыми гостями в Зимнем дворце. О чрезвычайном расположении царя к Адамсу говорит и то, что он хотел стать крестным отцом дочери Адамса, родившейся в Петербурге. Неформальное общение с американским послом, прогулки и беседы с ним, вероятно, помогли императору лучше узнать Америку, политическую систему которой он считал «мудрой и справедливой»³⁵. Признание, нужно сказать, удивительное в устах императора.

Джон Квинси Адамс покинул Петербург в 1814 году. Ему предстояло возглавить американскую делегацию на мирных переговорах с Англией, завершивших вторую англо-американскую войну. Учитывая долгую политическую карьеру политика (один президентский срок и многие годы работы в Конгрессе), можно сказать, что в американской политической элите был человек, хорошо знавший Россию и относившийся к ней с большой симпатией.

Одновременно с Адамсом в Россию прибыл — в качестве его секретаря — молодой Александр Эверетт. Недавний выпускник Гарварда, а в будущем известный писатель, дипломат и издатель, Эверетт был настолько впечатлен увиденным, что и через десять лет в одной из своих книг, посвященной обзору политической жизни в Европе, писал о Петербурге с неподдельным восхищением. Он

---

200 лет российско-американских дипломатических отношений. СПб.: Европейский Дом, 2009. С. 36–45.

³⁵ John Quincy Adams in Russia. Comprising Portions of the Diary of J. Q. Adams from 1809 to 1814 / ed. by Charles Francis Adams. New York: Praeger publishers, 1970. P. 53.

отмечал «утонченность и благородство» аристократии, высокую образованность и тонкий вкус владельцев петербургских особняков, удивлялся великолепию дворцов и парков, богатству книжных и рукописных собраний. Все это, писал он, наводит на мысль о восточных сказках; ничего похожего нет и не было ни в одной стране мира³⁶.

Интересно, что подобная оценка в книге Эверетта соседствует с рассуждениями о России как могущественной державе, чьего растущего влияния Европе следует опасаться. Очевидно, именно поэтому он высказал мысль о необходимости создания Европейского союза (a universal European commonwealth), основанного на рациональных и либеральных принципах. Знакомство Александра Эверетта с Россией в 1809–1811 годах во многом способствовало его становлению как дипломата и политика. Здесь он испытал сильное воздействие ее культуры, да и самой личности императора Александра, в ту пору еще сторонника либеральных реформ.

Оценивая русско-американские культурные связи в конце XVIII — начале XIX века, можно сказать, что русские проявили гораздо больший интерес к заокеанской республике, чем американцы — к России. Это можно объяснить, в частности, особой важностью демократических преобразований в США, их мощным воздействием на образованную часть российского общества. Проникая в Россию, идеи американского Просвещения формировали положительный образ молодой, динамично развивающейся нации. Если еще в середине XVIII века Америка воспринималась как экзотический материк, то в 1780–1790-е годы — это уже страна свободы и в значительной степени образец для подражания.

Освоение же русской культуры в Америке шло гораздо медленнее, что понятно. В течение долгого времени Россия воспринималась американцами как далекая от цивилизации страна, своеобразная восточная деспотия. Такое представление все еще существовало

---

³⁶ «...all this strikes very powerfully upon the imagination and rather seems to realize the brilliant fables of Eastern romance than to resemble the actual condition of any society that ever existed» (Europe; or, A General Survey of the Present Situation of the Principal Powers, with Conjectures on Their Future Prospects, by a Citizen of the United States. London: Longman, Hurst, Rees, Orme & Brown, 1822. P. 408).

в начале 1830-х годов, что было связано с репрессивной политикой царского правительства по отношению к Польше. Но даже те — немногие — американцы, которым довелось побывать в России и познакомиться с образом жизни и бытом ее народа, отмечали огромный контраст между утонченной культурой образованных слоев в Москве и Санкт-Петербурге и жизнью простого народа. Об этом писал в дневнике Джон Квинси Адамс во время дипломатической службы в Петербурге. Отмечал это и Александр Эверетт в книге 1822 года.

Развитие дипломатических, научных, торговых связей в конце XVIII — начале XIX века способствовало тому, что постепенно начал расти интерес американцев к России, одним из свидетельств чего считаются «Письма американского фермера» (1782) Сент-Джон де Кревкера. Автор «Писем», французский офицер, поселившийся в Америке в 1765 году и проживший там пятнадцать лет, опубликовал серию очерков, в которых описывал природу и быт колоний, впечатления о жизни на ферме в Пенсильвании. В одном из очерков, имеющих форму писем, он — устами некоего русского путешественника Ивана Алексеевича — высказал удивительное суждение. В разговоре с американским ботаником и естествоиспытателем Джоном Бартрамом Иван Алексеевич заметил: «Русские в чем-то похожи на вас. Мы тоже молодая нация, молодая в отношении знаний, искусства и разного рода усовершенствований. Кто знает, какими революциями чреваты Россия и Америка? Мы, возможно, гораздо ближе друг к другу, чем иной раз представляется»³⁷. Слова эти помогают взглянуть непредубежденным взглядом на нашего далекого соседа.

О возможности более широких связей между Америкой и Россией в области искусства и торговли писал и американский поэт Джоэл Барлоу в поэме «Видение Колумба» (1787). Примечательно, что экземпляр своей книги с дарственной надписью он подарил русскому послу в Англии С. Р. Воронцову. Через четверть века Барлоу стал очевидцем отступления наполеоновской армии из России. В стихотворении «Совет ворону в России» (1812) он писал о массовом народном сопротивлении, которое здесь встретили французы.

---

³⁷ Letters from an American Farmer. Garden City, New York: Dolphin Books, 1956. P. 189.

Случилось так, что стихотворение стало последним его произведением. Американский поэт скончался в небольшой деревеньке возле Кракова, через которую проходила армия Наполеона.

События войны 1812 года значительно изменили представление американцев о России, вызвали к ней обостренный интерес. По словам российского посланника А. Я. Дашкова, новости о победе русских произвели на жителей США «невероятное впечатление». «Они как будто ото сна пробудились и не могут довольно надивиться твердости и могуществу Российской империи», — сообщил он в январе 1813 года министру иностранных дел Н. П. Румянцеву. 23 марта в Бостоне был устроен настоящий праздник по случаю побед русского оружия. В числе приглашенных был и консул Алексей Евстафьев. Несколько позже, на другом торжественном обеде, в Джорджтауне, конгрессмен от штата Южная Каролина Роберт Харпер произнес речь, в которой весьма высоко оценил действия России в войне против Наполеона.

Все эти свидетельства дружеских чувств — важная глава в истории русско-американских отношений. Примерно в это же время первый посланник США в России Джон Квинси Адамс отметил: «С Россией у нас не было иных отношений, кроме отношений дружбы и взаимной выгоды»³⁸. Во временной перспективе слова эти кажутся пророческими. Как свидетельствует история, после возникновения Соединенных Штатов Америки отношения двух стран в течение многих десятилетий основывались на взаимном интересе, уважении и сотрудничестве³⁹.

XIX век стал временем широких культурных, научных и литературных связей между Россией и США. Начало им было положено уже в середине века восемнадцатого, а бурные годы Американской революции дали мощный толчок их развитию.

---

³⁸ Ibid. С. 594.

³⁹ Обзору разнообразных культурных связей России и США посвящена недавняя книга историка-американиста И. И. Куриллы с интригующим названием «Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США» (М.: НЛО, 2018). Отмечу, что литературные связи в этой книге не рассматриваются.

SUMMARY

ELVIRA OSIPOVA

The Journey of Ideas.

Essays on the History of Cultural Ties of Russia and the USA

This book of essays reflects phenomena in the realm of culture – the movement of ideas in the spheres of literature, politics and philosophy. It addresses the theme of cultural contacts between Russia and the U.S.A., the main emphasis being on literary ties. An overview of the countries' cultural ties at the end of the 18th and the first decade of the 19th centuries serves as a kind of introduction. The idea of freedom triumphant in the eighteenth century America influenced Russian writers and thinkers (Novikov, Karzhavine). Ideas which originated in New England in the 1830s-1840s found their way to Russia, and later returned to America (Henry Thoreau – Leo Tolstoy – Martin Luther King).

The reception of Russian aesthetic and ethical ideas is traced in chapter devoted to the influence of Turgenev, Tolstoy and Dostoyevsky on American literature and criticism in the first decades of the 20th century. A separate chapter addresses Leo Tolstoy's impact on the 20th century U. S. authors.

The theme “Dostoyevsky and Poe” as it is presented in the book includes an analysis of similarities of the writers' philosophic ideas and their stylistic manner. An overview of the history of Poe's translations in Russia is a conclusive evidence of the interconnectedness of the two cultures. Particular emphasis is made on the impact which Poe critique has made on translators' practice. Also discussed are ways of

“improving” the target text in translating Poe’s Gothic tales. The chapter contains a comparison of several translations of Poe’s *Eureka*.

The problem of Dostoyevsky’s influence on Salinger, as well as the latter’s indebtedness to the Orthodox tradition, is treated in a chapter entitled “The Russian theme in J. D. Salinger’s work”. Salinger’s references to Dostoyevsky and, implicitly, to the preaching of *starets* Zosima (in the short story “For Esme — with Love and Squalor”) and to “A Way of a Pilgrim”, an English translation of an anonymous Russian book “Otkrovennye rasskazy Strannika dukhovnomu svoemu otzu” (in “Franny and Zooey”) testify to his interest in the religious tradition of Russian monks. The fact that both Dostoyevsky and Salinger drew inspiration from the same religious source supports the idea of the hitherto undetected Russian strand in Salinger’s work.

Specific questions of interrelations of Russian and American cultures treated in the book include a comparison of Emerson’s and Tolstoy’s concept of history, and the reception of Tolstoy’s *Anna Karenina* in the 20th century United States.

The last two chapters focus on the figures of American journalist William English Walling who came to Russia in 1905 to cover events of the first Russian revolution, and a Russian émigré Ayn Rand whose views formed in the post-1917 Russia became a part of American philosophic tradition. Her philosophy of Objectivism, as it was embodied in her essays and novels, continues the ideas of Social Darwinism of the 1880-s (William Sumner, John Fiske, Andrew Carnegie). Another source, which helped Ayn Rand to formulate her philosophic views, was the practice of socialism in Russia, which the author of “We — the Living” witnessed in Petrograd, before her emigration. It served her as a model of an antiutopia realized.

The addenda includes materials connected with Petersburg — Petrograd, a witness of historic events at the turn of the 20th century (as seen by American journalists — and reflected in V. Nabokov’s memoirs).

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	3
<i>Глава 1.</i> Россия и Америка: Начало знакомства.....	5
<i>Глава 2.</i> Американские идеи в России: У. Э. Чаннинг, Р. У. Эмерсон, Г. Д. Торо, Т. Паркер.....	25
<i>Глава 3.</i> Ральф Эмерсон и Лев Толстой. Взгляд на историю.....	44
<i>Глава 4.</i> Русская литература в США начала XX века.....	53
<i>Глава 5.</i> Лев Толстой в восприятии американских писателей.....	72
<i>Глава 6.</i> Судьба одного романа («Анна Каренина» в США).....	93
<i>Глава 7.</i> Из истории переводов Эдгара По в России.....	103
<i>Глава 8.</i> Эдгар По и Достоевский: скрещение идей.....	115
<i>Глава 9.</i> Русская тема в творчестве Сэлинджера (Сэлинджер и Достоевский).....	135
<i>Глава 10.</i> Американский журналист Уильям Уоллинг и его книга «Послание России».....	144
<i>Глава 11.</i> Айн Рэнд: российский след в американской философии.....	154
<i>Приложение.</i> Петербург — Петроград глазами американских журналистов.....	167
Петербург в воспоминаниях Владимира Набокова.....	175
<i>Послесловие.</i> Россия и Америка: Путешествие идей.....	184
Указатель имен.....	186
Summary.....	192

CONTENTS

Foreword	3
<i>Chapter 1.</i> Russia and the USA: Acquaintance	5
<i>Chapter 2.</i> American ideas in Russia (Willaim Ellery Channing, Ralph Waldo Emerson, Henry David Thoreau, Theodore Parker)	25
<i>Chapter 3.</i> Ralph Emerson and Leo Tolstoy on the philosophy of history	44
<i>Chapter 4.</i> Russian Literature in the USA (the first decades of the XX century)	53
<i>Chapter 5.</i> Leo Tolstoy's reception by American writers	72
<i>Chapter 6.</i> <i>Anna Karenina</i> in the USA	93
<i>Chapter 7.</i> On the history of Poe translations in Russia	103
<i>Chapter 8.</i> Edgar Poe and Dostoyevsky	115
<i>Chapter 9.</i> The Russian theme in J. D. Salinger's work	135
<i>Chapter 10.</i> William Walling and his book "Russia's message"	144
<i>Chapter 11.</i> Ayn Rand: the Russian strand in American philosophy	154
<i>Appendix.</i> Petersburg – Petrograd as seen by American journalists	167
Nabokov's reminiscences of Petersburg	175
Afterword. Russia and America: The Journey of Ideas	184
Index of names	186
Summary	192

Эльвира Филипповна Осипова

ПУТЕШЕСТВИЕ ИДЕЙ

Из истории культурных связей России и США

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *О. Д. Курта*

Подписано в печать 14.06.2019. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 12,25
Тираж 500 экз. Заказ № 1607

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622-01-23